

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

Г. Ф. Благова.

**О СООТНОШЕНИЯХ ПРОЗАИЧЕСКОГО
И ПОЭТИЧЕСКОГО ВАРИАНТОВ
СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА
XV—НАЧАЛА XVI в.**

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

1. «Специально стихотворный чагатайский язык в отличие от прозаического», первому из которых свойственны «незначительные архаизмы уйгурского характера и... более значительные элементы „огузско-туркменские“», вполне четко выделил в 1927 г. А. Н. Самойлович.¹ Дифференцированное изучение с последующим сопоставлением языка прозаических и поэтических жанров в творчестве одного писателя (прежде всего Захир эд-Дина Бабура, отчасти также Алишера Навои) позволяет, опираясь на учение о так называемых функциональных разновидностях или типах речи, характерных для того или иного языка в разные периоды его исторического развития,² воспользоваться понятием «вариант литературного языка»³ (целесообразность привлечения его раскрывается ниже). Введение этого понятия, как нам представляется, может помочь в известной мере «прояснить очень сложную картину „диалектальной пестроты“ в языке XV и начала XVI в.».⁴

2. Во всяком случае, четкому выделению прежде всего специально поэтического варианта среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка (ЛПЯ) способствует уже то, что в XV в., когда прозаические сочинения составляли принадлежность литературы духовной, религиозной, поэтические жанры представляли уже литературу светскую и были вполне сложившимися и наиболее развитыми, к тому же объединенными весьма устойчивыми и активно действовавшими общими традициями, в том числе и языковыми. По-видимому, именно это обстоятельство в первую очередь позволило К. Броккельману сделать предметом своего описания «язык исламских литературных памятников Средней Азии с времен исламизации тюрков в X в. до перехода их к государственной самостоятельности. . .»; примечательна оговорка, что это «не язык

«единого народа, но письменный язык, который в отдельных трудах окрашен местными диалектами их составителей».⁵

В свою очередь А. М. Щербак полагает, что «... в эпоху Нава'и „чагатайский“ язык имел уже большую историю и оторвался от той или иной конкретной диалектной базы. Во всяком случае, в XV в. он существовал в том виде, который принято называть классическим».⁶

Так или иначе, в соответствии с происходившим в разные исторические периоды существования среднеазиатско-тюркского ЛПЯ модулированием диалектных основ (караханидско-тюркской, хорезмийско-тюркской и др.) поэтический вариант ЛПЯ вбирал в себя их элементы, как и элементы, являющиеся результатом влияния других языков. Именно для поэтического варианта в первую очередь справедливы распространенные утверждения о языковой неоднородности, смешанности. Подобная смешанность была возведена в традицию, на которую вполне сознательно ориентировались и поэты, и переписчики, писавшие в разное время и в различных тюркоязычных областях Средней Азии. С точки зрения методической весьма показательно, что к сугубой осторожности в оперировании «поэтическими формами» — гетерогенными явлениями, принадлежащими различным хронологическим пластам, — призывает вслед за А. Мейе Э. А. Макаев; подчеркивая, что именно эти формы по ряду причин оказывались законсервированными в том или ином индоевропейском языке, ученый в качестве одного из наиболее важных критериев исследования истории языка выдвигает жанрово-стилистический фактор, нацеливающий на отграничение поэтических форм,⁷ требующих специализированного рассмотрения.

Историческая обусловленность «диалектальной пестроты» среднеазиатско-тюркского ЛПЯ в XV—начале XVI в. оказывается как бы переведенной в план контекстной жанрово-стилистической обусловленности в связи с активным развитием также и прозаических жанров в этот период и соответствующей дифференциации прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ (об этом см. раздел 3).

Если староуйгурские элементы по характеру употребления их в поэтическом варианте ЛПЯ, как это показали исследования А. Н. Самойловича, можно рассматривать как своего рода объективно-структурные качества системы стиля, то использование «огузско-туркменских» грамматических элементов здесь, напротив, не укладывается в рамки единой стилистической системы. В самом деле, «огузско-туркменские» формы в поэтическом варианте ЛПЯ XV—начала XVI в. составляют некую широко разветвленную соотносительность, в известной мере симметрично охватывающую имя и глагол (элементы падежного склонения — элементы глагольного спряжения; послелогии, служебные имена — вспомогательные глаголы); правда, эта соотносительность не является пропорциональной из-за разрозненности и нерегулярности

«огузско-туркменских» форм, которые именно поэтому могут быть лишь частично предсказуемы. Ущербность такой непропорциональной соотносительности состоит еще и в том, что она в пределах поэтического варианта ЛПЯ конца XV—начала XVI в., с одной стороны, противопоставлена гетерогенной системе адекватных грамматических средств (поэтому подобную непропорциональную соотносительность условно можно назвать «ущербной периферийной системой»), а с другой — контаминируется с ней, способствуя возникновению своеобразной «синонимии» грамматических средств, в том числе и парадигматических форм. Из числа таких адекватных парадигматических форм «огузско-туркменские» не были информативно нагружены уже потому, что они использовались никак не для заполнения «пустых клеток» в системе ЛПЯ XV в., а лишь для частичной подмены наличных адекватных форм ЛПЯ. Таким образом, ясно, что существование парадигматической избыточности в поэтическом варианте ЛПЯ XV в. не было связано с действием внутрисистемных факторов.

Перефразируя слова Л. В. Щербы, можно сказать, что в поэтическом варианте ощущение «нормы» было слабее именно от наличия сосуществующих формальных параллелей, которые, видимо, были недостаточно дифференцированными для одной части носителей литературно-письменного языка, а для другой их части некоторые из таких параллелей осознавались как чужие, с сугубо поэтической эмоциональной окрашенностью; так или иначе, в поэтическом варианте имелась возможность выразить одно и то же содержание, используя гетерогенные параллельные формы.⁹ Гораздо менее разветвленная вариативность форм признается современными языковедами за одно из внутренних проявлений литературного языка, наделенного разнообразными культурно-историческими признаками, которые — для среднеазиатско-тюркского ЛПЯ особенно — не укладываются в рамки строго регулярной системы. Широкие возможности выбора адекватных гетерогенных форм, с одной стороны, обуславливали динамичность текста и служили своего рода творческим импульсом к созданию определенных художественных эффектов, а с другой — являлись предпосылкой для использования поэтического варианта ЛПЯ в различных тюркоязычных областях Средней Азии, поскольку дифференциация локального характера в сфере морфологии как бы перекрещивалась здесь с жанровой дифференциацией вариантов ЛПЯ.

3. Роль Алишера Навои как основоположника «узбекского литературного языка» обычно видят в том, что поэт упорно и успешно вел «борьбу за родной язык в условиях, когда литературным языком служил усвоенный ненациональный язык», возродил и отстоял родной язык, создал литературный язык и колоссальную литературу на нем, заложив тем самым прочные формы его

развития.¹⁰ Здесь важно подчеркнуть, что Навои, который, по словам С. Е. Малова, сам «отчасти двигал и направлял этот поток языка и литературы»,¹¹ не только совершенствовал поэтические жанры и соответствующий поэтический вариант ЛПЯ. Плодотворно разрабатывая прозаические жанры на среднеазиатско-тюркском ЛПЯ, он положил начало отграничению прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ. Принципиальное значение этого факта станет яснее, если учесть высказывание Абу-л-Гази: те, «кто слагали до нас историю тюрков, чтобы показать народу свой талант и искусство, . . . тюркскую речь превращали в рифмованную прозу»¹² (т. е. в поэтическую разновидность; разрядка наша, — Г. Б.). Слова Навои о том, что в своем прозаическом сочинении «Мизан ал-авзән» он «обратился. . . к тюркскому языку и всяческие достоинства, кои были употреблены ими (арабскими и персидскими литераторами, — Г. Б.) на украшение девушки — Смысла, . . . выразил чагатайской речью, а эти упомянутые язык и речь являются основанием [литературной речи], чего не дано было ни одному поэту и не стало возможным ни для одного писателя»,¹³ могут быть истолкованы именно в плане создания этим могущественным бойцом за родной язык (Н. И. Ильминский) прозаического варианта ЛПЯ.

Дифференциация поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ особенно хорошо прослеживается в тех произведениях Навои, где прозаическое изложение перемежается стихотворными вставками, например в стиховедческом трактате «Мизан ал-авзән» («Весы размеров»)¹⁴ или в дидактическом произведении «Маһбӯб ул-қулӯб», написанном как раз рифмованной прозой (А. Н. Кононов определяет его как своего рода «стихотворение в прозе»)¹⁵ Навои был, таким образом, первым писателем, в чьих произведениях отразилась своеобразная диглоссия, определявшаяся тем, что старые традиции ЛПЯ в XV в. получили активное развитие в условиях новой диалектной среды. Именно в том, что Навои стремился в известной мере согласовать свой прозаический идиолект,¹⁶ который именно и лег в основу прозаического варианта ЛПЯ XV—начала XVI в., с новой диалектной основой, и состоит объективно его роль «основоположника. . . литературного языка».

4. Касаясь падежного склонения в языке Навои, особое внимание мы уделяем соотношению именной и посессивно-именной парадигм, поскольку в тюркских языках категория падежа переkreщается с категорией принадлежности. В прозаическом идиолекте Навои как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах представлены падежные форманты именно с консонантным началом (род. *-niy*, вин. *-ni*, дат. напр. *-ga*); интерфикс *-n-* в локативных падежах имен, снабженных аффиксом принадлежности 3 л., отсутствует; палицо, таким образом, основные признаки, присущие узбекско-уйгурскому типу падежного склонения.¹⁷

В поэтическом идиолекте того же писателя именная парадигма характеризуется падежными формантами с консонантным началом.

Что же касается посессивно-именной парадигмы поэтического идиолекта, то здесь на фоне род. и вин. падежей с формантами, имеющими только консонантное начало (*МА* LXIV₃ *бабр-и-ни* 'его печень', *МК* 7₁ *öz-ўм-ни* 'меня самого' — узбекско-уйгурская черта), неодинаково частотно встречаются элементы огузского типа склонения (присущие также кыпчакскому типу): дат.-напр. падеж (после аффиксов принадлежности 1 л. ед. ч.) представлен показателем как с консонантным, так и с вокалическим началом; точно так же в локативных падежах (после аффикса принадлежности 3 л.) возможен интерфикс *-н-*, хотя распространены и формы без него. Подчеркнем, что наличие одной из названных «огузско-туркменских» падежных форм отнюдь не обуславливает наличие другой, гомогенной первой. Таким образом, в поэтическом варианте ЛПЯ системных отношений нет ни между «огузско-туркменскими» парадигматическими падежными формами, ни между гетерогенными адекватными падежными формами. Примеры из стихов «Мизан ал-авзан»: ср. в туйюге LXVII₉₋₁₁: *джан-им-а* 'моей душе', но *қаш-и-ба* 'к ней'; ср. также *қоңл-ум-а* LXVI₃ 'моему сердцу' и *қоңл-ум-га*. XLVII₁₀ (дважды); в бейте на стр. XXXIX₁₀₋₁₁ *бам-им-а* 'моей печали' и *алам-им-ба* 'моему горю'; *ўст-и-н-а* LXVIII₁₀₋₁₁ (дважды) 'на него', но *ел-и-ба* LVII 'его народу'; из стихов «Махбуб ул-қулуб»: *дамāб-им-а* б₁ 'в мой мозг'; *сōз-и-га* 123₁₈ 'его слову', 128₉₋₁₀ *абз-и-ба* 'его рту' и *дард-и-га* 'его страданию'; *ал-и-н-да* 10₁₇ 'перед ним', но *ки-си-да* 123₇ 'в двух его', *ишлар-и-дин* 122₄ 'от его (их) дел'.

Отметим непропорциональность объективно-структурных характеристик поэтического идиолекта Навои. Так, послелогои *ичрā* 'в, внутри', *ара* 'между, среди', восходящие к староуйгурской традиции, а также «огузско-туркменские» послелогои *ла* 'с, совместно с' (используется наряду с *били* — ср. *МК* 122₁₀ *ла*, 123₁₀ *била*), *киби* 'как, подобно' и вспомогательный глагол *ол-* 'становиться' в «огузско-туркменской» же форме 1 л. ед. ч. (*-ам*) довольно безразлично употребляются рядом с соответствующими гетерогенными формами. Например, *МК* 90₁₃₋₁₄ *ичрā*, но *болбай*; 92₅₋₆ *киби*, *ичрā*, но *била*; ср. *МА* LXIV₉ *ул кōз һиджр-и-да бīмар ол-миш-ам* 'я стал больным в разлуке с теми глазами', LI₁₅ *билур ки фурқат-и-дин ол-миш-ам* 'она узнает, что я умер от разлуки с ней', стр. LIV₁₁ *истамасаң есламасаң биз-ни *мен он-ар-ам йолуң ўзā из-ни* 'когда ты не желаешь и не вспоминаешь нас, * я целую на твоём пути следы'. В трех последних примерах «огузско-туркменские» глагольные формы (вспомогательный глагол *ол-*, прошедшее на *-миш*, как и настоящее-будущее на *-ар*, с кратким «огузско-туркменским» показателем 1 л. ед. ч. *-ам*) и староуйгурский послелог *ўзā* 'на' соседствуют с падежными формами, характерными для узбекско-уйгурского типа склонения (вин. пад. *-ни* для

имени и местоимения — *біз-ни* 'нас', *із-ни* 'след'; отсутствие интерфикса *-н-* в местн. и исх. падеже посессивно-именной парадигмы — *hidжр-i-да* 'в разлуке с ней', *фурқат-i-дин* 'от разлуки с ней').

Прозаический идиолект Навои гораздо более единообразен и последователен в отборе используемых грамматических средств. Это прежде всего относится к системе падежного склонения, выдержанной в целом в принципах узбекско-уйгурского типа (см. выше), а также к глагольному склонению. Тем не менее и в прозаическом идиолекте Навои в отдельных местах по разным причинам иногда еще прорываются «огузско-туркменские» и староуйгурские элементы. Так, характеризуя в своем похвальном слове сборники стихотворений («диваны») Султана Хусейна, Навои переходит в прозе на явно одический стиль и, естественно, обращается к языковым средствам более высокого — поэтического варианта ЛПЯ, которые инородными блестками рассыпаны на фоне преобладающих форм его прозаического идиолекта. См. *МА LXXI₆₋₈ ... օз диванларин ки джам' dawawin ара-сі-да баданлар ара джан-дек-дур ва кавакіб ічрә хуршід-і рахшан-дек вақи' бол-уб-тур* '... его собственные диваны, которые среди всех диванов [остальных поэтов] являются подобно душе среди [неодухотворенных] тел и подобно лучезарному солнцу среди звезд' — здесь употреблены «поэтические» послелоги *ічрә* 'внутри', *ара* 'среди' рядом с присущими прозаическому идиолекту поэта неподобительным послелогом *дек* (ср. «поэтические» параллели *йаулиб, кибі*), вспомогательным глаголом *бол-* 'становиться' (ср. «поэтическую» параллель *ол-*), посессивно-падежной словоформой *ара-сі-да* 'среди них' без интерфикса *-н-*.

Между тем местн. падеж имен с аффиксами принадлежности 3-го лица и в прозаическом идиолекте Навои встречается иногда с интерфиксом *-н-*, причем чаще всего в составе соответствующих форм служебных имен. Примеры из «Таріх-і мулук-і 'аджам»: *су(w) іч-і-н-да, сандуқ іч-і-н-да ТМ 59_{10,11}*¹⁸ 'в воде', 'внутри сундука', *аніу қаш-і-н-да ТМ 80*₉ 'перед ним', *чадір іч-і-н-да ТМ 85₁₋₂* 'внутри шатра'; из «Мунакамат ул-лузатайн»: *буза'иф ал-і-н-да МЛ 30₁₀* 'перед этим слабым',¹⁹ *аніу сөз-і-н-да МЛ 3₁₁* (так же в ркп № 5829 стр. 5.) 'в его слове'. См. еще использование «поэтических» параллелей — послелогов *ара, іла*, глагола *ол-* в прозе Навои: *чабат-тай халқи ара МА LXVII₄* 'среди чагатайского народа'; *ул лібас іла ТМ 102₃* 'с теми одеждами'; *текурмиш ол-бай МА*²⁰ 'пусть станет досадившим', ... *бу 'умрда кім ніхайті ол-мас-дур МАВ 221₂* '... в этой жизни, у которой не будет предела', *бу хабәр-дин вақиф ол-бач ТМ 57₅* 'как только стал осведомленным об этом известии'. В прозаических и поэтических произведениях Навои используется также специфическое служебное имя *ілай-і-да* 'перед ним' наряду с омонимичным и более обычным для ЛПЯ XV — начала XVI в. *ал-і-да* (см. пример их параллельного употребле-

ния — МК 12₁₇ — 13₁₋₂). Еще более специфичным является послелог *дегинча* | *дегунча* 'до, вплоть до', встречающийся в прозаическом идиолекте Навои. Послелог этот, управляющий дат.-напр. падежом, представляет собой, по всей видимости, реинтерпретацию староуйгурского послелога *teginč* 'до' (с тем же управлением),²¹ причем трансформация его производилась одновременно по двум линиям: 1) послелог *teginč*, глагольный по своему происхождению, с формальной стороны был отождествлен с современной Навои деепричастной формой на *-гунча* | *-гинча*; 2) инициаль реинтерпретированного таким образом послелога подверглась озвончению на «огузско-туркменский» лад: *t* ~ *d*-. Послелог *дегинча* | *дегунча* встречается во многих прозаических трудах Навои: *бу шафтка дегинча* МА XVII₁₋₂ 'до этого времени', *битатка дегунча* ТМ 56₁₃ 'до Битата'; см. в «Муһакамат ул-луғатайн»: *кичкига дегинчи*, *бекига дегинча* 'до их [тюрков] малых', 'до их князей', *бу кунга дегинча* 'до этого дня', *ланба дегунча* 'до лошади, старше шести лет';²² в «Китаб-и мунши'ат»: *бир айга дегинча*²³ 'до одной луны [полнолуния]'

Итак, в прозаическом идиолекте Навои присутствует достаточно большое количество «огузско-туркменских» и староуйгурских форм (перечень может быть увеличен); правда, они явственно фрагментарны и чаще всего без труда могут быть опознаны именно как «поэтические» параллели к тем или иным языковым средствам собственно прозаического варианта ЛПЯ, которые и составляют основной языковой фон, обладая наиболее частотными характеристиками. Тем не менее самый факт наличия «поэтических» параллелей в прозе Навои указывает на то, что писатель не достиг еще окончательной поляризации грамматических средств в двух используемых им вариантах ЛПЯ: при Навои было положено начало их дифференциации, однако завершена она еще не была.

5. Дифференциация прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ по используемым в них грамматическим средствам была последовательно продолжена всей литературной деятельностью Бабура и доведена им до почти классического завершения благодаря сознательному и последовательному отказу от использования в этом именно варианте «огузско-туркменских» и прочих «поэтических» параллелей,²⁴ иными словами — благодаря стремлению нормализовать прозаический вариант ЛПЯ.²⁵ Именно в этом, по нашему мнению, заключается прежде всего историко-лингвистическое значение наследия Бабура.²⁶

Поэтический идиолект Бабура в основных своих грамматических чертах совпадает с таковым у Навои.

Между тем прозаический идиолект, представленный в «Бабурнаме», характеризуется весьма строгой выдержанностью: здесь почти нет «огузско-туркменских» форм, какие отмечались в прозе Навои. Нет здесь огузских послелогов, хотя совокупность послелогов и служебных имен достаточно своеобразна (ср., например, отсутствие аффикса принадлежности в падежных формах слу-

жебных имен *ара* и *урта*: *бир кечӱ урта-да* БН 120₂₋₃ 'в середине одного вечера', *айаьлар ара-да* БН 23₁₆ 'между его ног', *баь-и джиан ара-да* БН 238₁₀₋₁₁ 'в Баг-и Джихан'; такая же форма в «Мубайн»²⁷ л. 41а₈ *йол ара-да* 'среди дорог'); из огузских глагольных форм отмечена отрицательная форма 1-л. ед. ч. настояще-будущего глагола на *-ман* (точнее — одна словоформа, правда довольно частотная: *билман* БН 212₂₃, 213₁₀₋₁₁, 217₂₁, 241₄, 402₄₋₅, 432₃, 446₈ 'я не знаю'). Несколько более ограниченно, чем в прозаическом идиолекте Навои, здесь представлено прошедшее время на *-миш* (значительно реже — *-миш ерди*), которое сохранялось от староуйгурской традиции при активной поддержке позднейшего «юго-западного» влияния.²⁸

Заслуживает специального рассмотрения идиолект Бабура, представленный в его дидактическом стихотворном трактате «Мубайн» («Объясняющий»), который был предназначен для подрастающего сына писателя — Хумаюна. Умеренная дозировка «огузско-туркменских» форм (по крайней мере в посессивно-именном склонении и в глагольном спряжении) здесь как раз может свидетельствовать о том, что для юного читателя, еще не приобщившегося к «высокому» языку поэзии, эти формы были непривычными; из этого можно сделать вывод, что обиходной живой речи среднеазиатских турков начала XVI в. они были несвойственны. С точки зрения используемых грамматических средств язык трактата «Мубайн» представляет собой переходное звено в литературной диглоссии Бабура.

6. Примечательно, что выделить со всей четкостью грамматические элементы как поэтического варианта ЛПЯ, так и прозаического идиолекта Навои, стало возможным, исходя именно из проделанного анализа языка «Бабур-наме», в котором впервые в истории среднеазиатско-туркского ЛПЯ воплотился четко отграниченный прозаический вариант ЛПЯ. Только изучение этого последнего дало, так сказать, фон, учет которого в полной мере позволяет определить характер поэтического варианта ЛПЯ, оценить его место и роль в истории ЛПЯ и истории тюркских языков Средней Азии в целом. Принимая во внимание сказанное, пора пересмотреть утвердившееся еще в прошлом веке положение, что Навои «был почти единственным (разрядка наша, — Г. Б.) или, по крайней мере, могущественнейшим бойцом за родной язык»;²⁹ у него был достойный и могучий последователь и продолжатель, который довел до конца дело, начатое великим поэтом, — окончательно закрепил дифференциацию поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ, доведя ее до завершения. Пришло время по достоинству оценить роль Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура в истории среднеазиатско-туркского ЛПЯ.

Таким образом, мы утверждаемся в мысли, полярно противоположной точке зрения, которая была сформулирована, правда, почти полтора десятка лет назад: тенденция «поддержать связи с естественной языковой средой, чтобы не сделать литературный

язык совершенно искусственным», «... проявлялась с большой силой в самом начале возникновения староузбекского языка (разрядка моя, имеется в виду конец XIII в. и весь XIV в., — Г. Б.), а затем постепенно ослабевала, так что в конце концов староузбекский язык подвергся почти полной консервации»;³⁰ исходя из этого признается, что и во времена Навои и Бабура «... борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости...».³¹ Нам представляется, что формирувавшийся трудами Навои и Бабура прозаический вариант ЛПЯ как раз отталкивался от уже имевшегося поэтического варианта с его широко известной «диалектальной пестротой», в то же время ориентируясь на естественную языковую среду (отсюда и «простота» языка «Бабур-наме»). Именно это «отталкивание», яснее всего ощутимое в прозе Бабура, не позволяет рассматривать названные варианты всего лишь как различные стили литературных произведений, якобы отражающих разные стороны единой стилистической системы языка. Каждый из вариантов ЛПЯ представляет собою систему особого рода: прозаический вариант — парадигматически замкнутую грамматическую систему (особенно это видно на примере «Бабур-наме»), поэтический — парадигматически разомкнутую грамматическую систему, широко открывающую доступ гетерогенным «поэтическим параллелям» (подчеркнем, что разомкнутость поэтической системы понимается нами здесь в сугубо специальном, а именно — чисто морфологическом аспекте). Признание различной природы поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ не позволяет подходить не дифференцированно к изучению среднеазиатско-тюркского ЛПЯ по произведениям как поэтическим, так и прозаическим в их совокупности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самойлович А. Н. 1) Материалы по среднеазиатско-тюркской литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай. — ЗКВ, т. II, вып. 2, Л., 1927, с. 262; 2) Чагатайские туюги Лютфи. — ДАН СССР. Сер. В, 1926, май—июнь, с. 72, а также: Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв. — СВ, т. VI, М.—Л., 1949, с. 51; Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 35 и сл.

² См. об этом: Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, с. 66, а также его фундаментальные труды по стилистике. Ср.: Баскаков Н. А. Структурные и функциональные стилистические модификации современных тюркских языков. — В кн.: Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966.

³ Применение этого понятия см., например, в сб. «Лингвистическая карта Швейцарии». Л., 1974.

⁴ Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963, с. 21.

⁵ Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954—1956, S. 1.

⁶ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 13.

⁷ См.: Макаев Э. А. 1) Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, с. 20 и сл.; 2) Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, с. 12 и сл.

⁸ См.: Благова Г. Ф. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В сб.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

⁹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 36 и прим. 11.

¹⁰ Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: Алишер Навои. М.—Л., 1946, с. 97, 92, 117.

¹¹ Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — ИАН ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 6, с. 480.

¹² Цит. по кн.: Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, с. 36.

¹³ Цит. по статье: Боровков А. К. Алишер Навои. . . , с. 102.

¹⁴ См.: Алишер Навоий. Мезонул авзон. Кригик текст тайёрловчи И. Суллонов. Тошкент, 1949 (далее — *МА*).

¹⁵ Алишер Навои. Возлюбленный сердце. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов. М.—Л., 1948 (далее — *МК*), с. 5.

¹⁶ Так для краткости мы будем называть прозаический (или поэтический) вариант ЛПЯ, представленный в прозаических (соответственно поэтических) произведениях одного и того же писателя. Ср.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 165.

¹⁷ См.: Благова Г. Ф. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 1.

¹⁸ «Tarix-i muluk-i 'adjam» (далее *ТМ*); *Quatremeré* Е. М. Chrestomathie en turc oriental. Paris, 1841.

¹⁹ Цит. по кн.: *Quatremeré* Е. М. Chrestomathie en turc oriental, (далее — *МЛ*). Ту же самую форму с интерфиксом *-н-* показывает список «Мунакамат ул-лубатайн», хранящийся в Рукописном отделе ИВ АН УзССР под № 5829 (далее — № 5829), см. стр. 51_б.

²⁰ Цит. по кн.: Березин И. Н. Турецкая хрестоматия, ч. 1—2. Казань, 1857, с. 210, (далее текст *МА* в этом издании обозначается *МАН*).

²¹ См.: ДТС, с. 548; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 430.

²² Цит. по кн.: *Quatremeré* Е. М. Chrestomathie en turc oriental, 6₁₄₋₁₅, 19₅₋₆, 16₃.

²³ Цит. по кн.: Березин И. Н. Турецкая хрестоматия, 194_{а-а}.

²⁴ Грамматическую характеристику прозаического идиолекта Бабура см.: Благова Г. Ф. Очерк функциональной морфологии языка «Бабура-наме». — В сб.: Исследования по истории тюркских языков (в печати).

²⁵ Ср.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 13.

²⁶ Это значение литературно-языковой деятельности Бабура ощущал Н. И. Ильминский, когда в своем предисловии к впервые им издаваемому «Бабура-наме» писал о простоте и естественности представленного в произведении языка, см.: Бабура-наме или Записки Султана Бабура. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее — *БН*), стр. II. См. также: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 44.

²⁷ Использовалась рукопись «Мубайн», хранящаяся в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР под шифром А 104.

²⁸ См.: Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — СВ, т. V, 1948, с. 249.

²⁹ Ильминский Н. И. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, с. 36.

³⁰ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 223.

³¹ Там же, с. 13. Кстати, с этим не согласуется утверждение автора, что «язык Бабура-наме весьма прост» (там же, с. 44).